

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ЧАСТЬ II)¹

В.П. Иванский, С.И. Ковалев

Российский университет дружбы народов
Юридический институт

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Актуальность статьи, состоящей из двух частей, в том, что рассматриваются разнообразные теории рациональности, представленные лишь в философских трудах. Между тем следует отметить, что в последние десятилетия в научных работах по юриспруденции четко прослеживается тенденция заимствования таких терминов из философии, как «классическая», «неклассическая» или «постнеклассическая» наука при описании той или иной концепции права. Тем не менее в правовых исследованиях до сих пор отсутствует понятие рациональности, критерии ее классификации, позволяющие описывать многогранность проявления правовой реальности.

Цель исследования заключается: 1) в поиске новых неклассических оснований развития юридического знания; 2) в обосновании точки зрения, согласно которой категорию «научная рациональность» и ее типологизацию, используемые в философии, необходимо ввести в научный оборот юридической науки, что позволит раздвинуть границы познания правовой реальности; 3) описать особенности понимания термина «научная рациональность» в юриспруденции в контексте ее классификации на следующие две группы: классический и неоклассический (постклассический), а также неклассический и постнеклассический.

В процессе исследования философии рациональности в правовых исследованиях применялся разнообразный набор методологического инструментария: 1) общеправовые методы (диалектический и идеалистический); 2) общенаучные методы — анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия, сравнение; 3) и частные (специальные) — логический, сравнительно-правовой, формально-юридический, нормативно-догматический; 4) метод интерпретации, включающий метод проблемно-теоретической реконструкции.

Основными результатами достижения цели исследования стали предложения по: 1) введению в научный оборот правоведения понятия «типы и модели юридической рациональности»; 2) классификации юридической рациональности на классический и неклассический типы и соответствующие им модели — неоклассическая (постклассическая) и постнеклассическая. Следует отметить, что постклассический и постнеклассический стили правового мышления представляют собой эволюционировавшие варианты, соответственно, классического и неклассического типов юридической рациональности. Основой классификации типов научной рациональности в юридической науке послужил антропологический фактор — сознание *homo juridicus* и методологический инструментарий, с помощью которого правосознание познается.

¹ Начало см.: Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1.

Новизна исследования состоит в том, что представленная выше классификация эпистемологических парадигм позволяет взглянуть на право как на многоуровневую реальность, которой одновременно присущи два механизма ее конституирования — внешний и внутренний. Более того, представленный критериальный ряд классификации юридической рациональности выступает основанием развития юридического знания.

Ключевые слова: правосознание, правопонимание, теории рациональности, правовая реальность, субъект права, методология, кризис, правообразование

V. ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Обсуждение разнообразных точек зрения философов на понятие «научная рациональность», набор ее критериев, а также правоведов на ее типологизацию исследуется в контексте определенных научных картин мира, в том числе юридических (более подробно: Vedenev, 2014:641–654; Gromova, Poluboyarov, 2015:330–335), представленных их теориями. Прежде чем приступить к описанию типов и моделей юридической рациональности, представленных в концепциях права, следует изучить наиболее разработанные в философии современные подходы к понятию научной рациональности. Эта необходимость вызвана тем, что в юридической науке отсутствует надлежащим образом проведенные исследования в этой области.

Широкое признание в философских кругах получила концепция «критического рационализма» британского философа австрийского происхождения К.Р. Поппера (Popper, 1983). Суть его концепции выражается в принципе рациональной критики, которому должны подвергаться не только гипотезы других, но и собственные суждения. Однако если принять этот принцип за критерий рациональности, то он также должен подвергаться критике — аргумент, основанный на выводе из положения, которое само еще требует доказательства (*petitio principii*). Вместе с тем Поппер отказался от эмпирической достоверности обоснования добываемого знания, устанавливаемой процедурами опытного подтверждения (верификации). Другими словами, мыслитель заключил, что именно фальсифицируемость, а не верифицируемость отличает эмпирическую науку от метафизики.

Американский философ У.В.О. Куайн (Quine, 1969) свою теорию научной рациональности назвал «натурализованной эпистемологией» (научным реализмом), суть которой состояла в том, чтобы заменить априорные критерии научности реально протекающими процессами научного познания вместо того, чтобы «фабриковать вымышленные схемы». Иначе говоря, он экстраполировал методы изучения законов природы на методы изучения законов развития научного знания, а также использовал методы естествознания для изучения и объяснения эпистемологии. Наукой, способной выполнить такую задачу, Куайн считал когнитивную (бихевиористскую) психологию, которую он относил к естествознанию.

По мнению другого американского философа Т.С. Куна (Kun, 2009), лишь история науки, а не априорная методологическая концепция способна от-

ветить на вопрос о критериях рациональности в науке. Научными и рациональными являются те стандарты, которые приняты научным сообществом в конкретный исторический промежуток времени; с чередованием парадигм происходит смена стандартов рациональности. Поэтому Т. Кун предлагал трактовать рациональность расширительно посредством привлечения социально-психологических характеристик членов научных сообществ для описания радикальных изменений в науке. Более того, человеческая разумность с точки зрения американского мыслителя — это то, что принадлежит человеку и изменяется вместе с ним. Стало быть, Кун отождествляет научную рациональность с образцами научно-исследовательской деятельности субъекта (ученого, научного сообщества и т.д.), то есть каждая субъективистская парадигма (концептуальные каркасы) устанавливает свои стандарты рациональности, действующие до перехода к альтернативной субъективистской парадигме.

Английский философ венгерского происхождения И. Лакатос (Lakatos, 2008; Lakatos, 1968; Lakatos, 1972), ученик и критик К. Поппера, попытался улучшить концепцию своего учителя, подвергнув историю науки рациональной реконструкции. Это привело Лакатоса к разработке своей концепции, называемой методологией научно-исследовательских программ (утонченного фальсификационизма). В теории Лакатоса не существует одной монополюсно господствующей исследовательской программы, а происходит постоянный процесс соперничества теорий: одни из них оттесняются на задний план, другие — перерабатываются и реконструируются. Главным критерием научности программы английский мыслитель называет прирост фактического знания за счет ее способности предсказывать новые факты в сочетании с их эмпирическим подтверждением. Пока научная теория дает прирост эмпирического знания, работа ученого в ее рамках рациональна, а его исследовательская программа является прогрессивной. Если же теоретический рост дает запоздалые объяснения новым фактам (отстает от эмпирического роста), то программа регрессирует. Когда конкурирующая исследовательская программа обладает эвристическим потенциалом и способностью предсказывать новые факты в отличие от предшествующей программы, то следует говорить об отказе от последней.

Британский (американский) философ С.Э. Тулмин (Tonlmin, 1998; Tonlmin, 1967), назвавший свою концепцию «теорией человеческого понимания» (гибкой рациональностью), является представителем постпозитивистского историко-эволюционистского направления в философии науки, взявшим курс на расширительное толкование рациональности. Ученый считает, что в основе всех теорий лежат стандарты рациональности — матрицы, через призму которых события и явления становятся для всех понятными. Между тем матрица понимания связана границами определенной исторической эпохи. Стало быть, Л. Тулмин рассматривал развитие науки в рамках конкретно-исторического подхода, связанного с привлечением данных истории науки, социальной психологии, социологии, культурологии, эпистемологии и других ветвей научного

знания о человеке и человеческом обществе. Более того, эволюцию понятийных образований в социокультурной среде Тулмин пытается связать с эволюцией психофизиологических коррелятов этих образований, что, на наш взгляд, раскрывает источник и механизм конституирования внутренней природы субъекта.

Наиболее привлекательной в современную эпоху постмодерна является концепция эпистемологического (методологического) анархизма, разработанная П. Фейерабендом, – американско-австрийским философом, ученым, представителем постпозитивизма (Feyerabend, 1986; Feyerabend, 1961; Feyerabend, 1965; Feyerabend, 1968–1969). Основными постулатами концепции являются принципы методологического анархизма и несоизмеримости теорий. Их суть состоит в том, что, во-первых, в связи с детерминированностью действия методологии в научном исследовании все дозволено (*anything goes*): никакие методы не отбрасываются и не запрещаются. Таким образом, анархистский принцип П. Фейерабенда «*anything goes*» утверждает, что для прогресса науки необходимо отказаться в исследовании от методологических критериев верификационизма и фальсификационизма, принципа соответствия и недопустимости противоречия. Во-вторых, несоизмеримость сменяющих друг друга теорий и гипотез означает, что любая теория создает свой мир фактов, значения терминов, входящих в теорию, которые являются различными, даже если они будут обозначаться одним и тем же словом. В связи с тем, что критерии теорий субъективны, то не существует единого универсального критерия сравнимости теорий. Поэтому общество не должно ограничивать мышление человека лишь стандартами науки, так как она выступает не единственным инструментом познания мира. Познание есть процесс конкуренции несовместимых (несоизмеримых) альтернатив для развития науки, основу которых составляют разработанные гипотезы, несовместимые с хорошо обоснованной теорией (фактами). Отсюда вытекает равенство любых систем утверждений и возможность защиты любой теории от внешней критики. Более того, ставится под сомнение также принцип соответствия и преемственность даже между родственными теориями. Следовательно, принцип несоизмеримости теорий представляет концепцию развития науки как смену парадигм, не связанных между собой логическими отношениями, использующих разные понятия, методы интерпретации фактов и способы видения мира. По причине исторической изменчивости, по мнению Фейерабенда, конкурирующие теории не могут иметь одно и то же содержание терминов. Из вышесказанного можно заключить, что П. Фейерабэнд выступает не за многообразие рациональной методологии, а за плюрализм типов рациональности.

Повышенный интерес вызвала концепция умеренной рациональности английского ученого Уильяма Ньютона-Смита, изложенная в «Рациональности науки», открывшая новые горизонты рационалистического видения научного познания. В. Ньютон-Смит классифицирует модели, объясняющие перемены в науке, на рациональные (К. Поппер, Л. Лаудан, И. Лакатос, В. Ньютон-Смит и др.) и нерациональные (Т. Кун, П. Фейерабэнд и др.), каждая из которых чер-

пает объяснительные возможности друг у друга. Рациональные модели характеризуются целенаправленностью научной деятельности и методологией, позволяющей сравнивать различные системы научного знания по степени достижения установленной цели. Нерациональные модели объясняют перемены в науке внешними факторами, например, социологическими или социально-психологическими. Между тем характеристики рациональных моделей не являются некоторой априорной данностью и могут расширяться или сужаться в зависимости от наличия внешних факторов, воздействующих на внутренние процессы развития науки. Из сказанного выше вытекает, что философ В. Ньютон-Смит пытается не только описать новый образ рациональной науки, но и определить критерии к данной теории. К критериям разрабатываемой модели научной рациональности мыслитель относит эмпирическую подтверждаемость, эффективность, внутреннюю последовательность, простоту и интертеоретическую поддержку (Newton-Smith, 1981; Newton-Smith, 1985). По его замыслу, критерии не представляют собой некий единый жесткий алгоритм принципов-догматов, в соответствии с которыми оценивается любая концепция; они не являются статичными, а развиваются вместе с научным познанием. Итак, во-первых, умеренная теория научной рациональности заключается в том, что между методом науки и повышением степени правдоподобия научных суждений устанавливается коррелятивная связь; во-вторых, умеренный рационализм отказывается от статических моделей научной рациональности и предлагает динамическую концепцию рациональности научного познания.

Философ-позитивист и методолог Л. Лаудан (Laudan, 1992; Laudan, 1984) выдвинул проблеморешающую модель научного познания, которая базируется на разработанной им сетевой модели научной рациональности. Ученый утверждает, что цель науки — получать теории с высокой проблеморешающей потенциальной эффективностью. Иначе говоря, новая теория должна не просто решать больше проблем, чем старая, а в ней должен присутствовать перспективный, а значит прогрессивный, компонент. Однако говорить о прогрессе науки мы можем не в абсолютном смысле, а относительно той или иной определенной совокупности целей, так как научное познание — многостороннее и многоплановое предприятие с трансформирующимися целями и ценностями. Кроме того, сетевая модель научной рациональности включает в себя не только цели и методы, но также убеждения и ценности. Таким образом, во-первых, научное продвижение представляет собой одновременное движение эмпирических подтверждений и концептуального развития. Во-вторых, сетевая модель научной рациональности трактуется Л. Лауданом в расширительном смысле, включающем в себя убеждения и ценности. По этой причине его модель мы можем отнести к постклассическому (неоклассическому) типу научной рациональности, в котором, с одной стороны, продолжает господствовать объективные критерии естествознания — цели и методы, а с другой, появляются субъективные параметры познания — аксиологические ориентиры научной деятельности.

Мыслитель Ф. Китчер называет рациональность научного познания моделью саморегулирующегося процесса. В работе «Продвижение науки» ученый описывает главную когнитивную цель науки, состоящую в достижении существенных истин, под которыми понимается распознавание объективных закономерностей в мире (Kitcher, 1993). При этом главная цель науки находится вне научных практик и является объективным ориентиром продвижения науки. Кроме того, в произведении раскрывается компромиссная модель урегулирования научных разногласий (конфликтов), содержащая рационалистические и иррационалистические черты. Научный конфликт развивается как самокорректирующийся процесс, конечная стадия которого выводит участников из состояния разногласия.

Философ Р. Рорти в книге «Философия и зеркало природы» (Rorti, 1997) раскрывает понятие рациональности. Однако ученый понимает ее иначе, чем в традиционной философии, где состояние знания соответствует таким критериям научности как точность, объективность и доказательность. Мыслитель Р. Рорти предлагает понимание рациональности в духе неопрагматизма, заключающегося в том, что рационально то, что необходимо обществу, что общество одобряет и по поводу чего приходит к согласию. Иначе говоря, научная рациональность необходима для достижения консенсуса относительно тех целей, к которым следует стремиться, и тех средств, которыми следует пользоваться для достижения этих целей. Если люди поступают так, то они действуют разумно — рационально. По этой причине, по мнению американского ученого, бессмысленно рассуждать о каких-то абсолютных критериях научной рациональности. Рациональность науки есть миф традиционной философии, выраженный посредством языковой игры, цель которой заключается в построении той или иной схемы рассуждений о создающих иллюзорную реальность терминах — сознание, материя, рациональность, душа, истина, объективность и т.п. Более того, познание, с точки зрения Рорти, имеет не духовную, а социальную природу и рассматривается им в качестве практики языкового общения как средства разумной аргументации. Целью познания выступает не стремление к достижению метафизической истины, а предсказание и объяснение фактов повседневной жизни. Такой подход к научной рациональности Р. Рорти называет эпистемологическим бихевиоризмом.

Не менее интересным подходом к описанию рациональности следует признать «конвергентную теорию» научной рациональности философа Х. Патнэма. В работе «Разум, истина и история» (Putnam, 1981) Патнэм рациональность связывает с истиной, при этом он их не отождествляет. Истина представляет собой рациональную приемлемость при идеальных эпистемических условиях. Между тем философ подчеркивает исторический и обусловленный культурой характер рациональности, которая функционирует как регулятивная идея. В связи с этим рациональность имеет двойственную природу. С его точки зрения, наука должна предполагать более широкое понятие рациональности, чем концепция лабора-

торной проверяемости. Следовательно, состояние рациональности — это некое множество критериев, принятых в науке, набор которых может постоянно меняться. Иными словами, рациональность так же плюралистична, как и истина.

Из сказанного выше следует, что разработанные мыслителями научные теории, по сути, выражают социокультурные, ментальные, когнитивные условия определенной картины мира, обуславливающие стиль и способ мышления в рамках того или иного модуса рациональности. Результатом нашего исследования стали, во-первых, выявленные вследствие изучения разнообразных философских концепций критерии научной рациональности, которые выступают каркасом конституирования эпистемологической модели. Во-вторых, на основе анализа философских теорий рациональности авторы пришли к выводу, что любая концепция представляет, по сути, тот или иной стиль мышления мыслителя или научного сообщества. В-третьих, изложенные в концепциях философов критерии рациональности, с учетом движения эволюции современной картины мира от классической к неклассической, следует классифицировать на классические и неклассические. В-четвертых, ввиду того, что философия является фундаментом теоретической юриспруденции, то авторы статьи предлагают ввести в научный оборот правоведения понятие юридической рациональности посредством описания ее критериев. В-пятых, указанная выше классификация рациональности позволит «легализовать» в юридической науке концепции, не признанные в настоящий момент в правоведении в качестве научных. Имплементация типологизации рациональности в юриспруденции создаст условия для постижения разнообразных граней бытия правовой реальности.

Исследование публикаций в области юриспруденции показывает, что одну и ту же теорию права разные ученые относят к различным типам научной рациональности. Исследователь В.И. Павлов усматривает в феноменолого-коммуникативной концепции права профессора А.В. Полякова признаки неклассического типа. Между тем правовед И.Л. Честнов считает, что теория права А.В. Полякова принадлежит постклассической эпистемологии. Между тем сам А.В. Поляков рассматривает свою интегральную концепцию в качестве постнеклассической модели. Это связано с тем, что до сих пор в юридической науке не сложилось единого критериального ансамбля типологизации рациональности. Предлагаемый нами подход к классификации научной рациональности является перспективным направлением научно-исследовательских программ и связан с наличием: 1) в определении правовой реальности (права) категории сознания человека; 2) специфического набора методологических средств, применяемых при изучении правового сознания. Далее проведем анализ в русле такого подхода понятия «право» в трудах ученых, указанных в разделе «обзор литературы».

А.В. Поляков рассматривает правовую реальность в качестве единой дихотомической структуры, включающей в себя идеальную (эйдетическую) и реальную ипостаси. При этом эйдос права, выступающий одновременно феноме-

ном сознания и собственной структурой права, постигается с помощью феноменологической редукции. В данном аспекте право вневременно и внепространственно, лишено социокультурного содержания. В случае наполнения идеальной умопостигаемой эйдетической сущности конкретным социокультурным содержанием формируется другой план правовой действительности — реальное явление (Polyakov, 2016:264–272). В связи со сказанным справедливо утверждение Полякова о принадлежности его концепции права к постнеклассическому правопониманию по следующим причинам. Во-первых, одним из фундаментальных оснований построения его концепции является правовое сознание (правовая психика) человека. Во-вторых, при изучении правосознания применяется феноменологический подход, раскрывающий собственную структуру права. В-третьих, помимо феноменологии право рассматривается в качестве самоорганизующейся и саморазвивающейся психосоциокультурной коммуникативной системы на основе идей синергетики и коммуникологии.

Постнеклассический стиль юридического мышления выражен также в информационно-квантовой концепции права, черты которой тесно переплетаются с феноменолого-коммуникативной концепцией права А.В. Полякова. При этом следует отметить, что понятийно-категориальный аппарат, используемый для описания разнообразных граней правовой реальности, разнится из-за концептуальных оснований самих исследовательских теорий. Вместе с тем, несмотря на несхожие концептуальные каркасы правовых концепций, научно-исследовательские программы постнеклассической эпистемологической модели имеют единый онтологический фундамент. В отличие от дихотомической структуры правовой реальности в концепции профессора А.В. Полякова правовая реальность информационно-квантовой концепции характеризуется тремя основными имманентно взаимосвязанными информационно-энергетическими уровнями ее бытия — квазипаттерном «Я», протопаттерном «я» и паттерном «я».

В основе либертарно-юридического понимания права лежит принцип формального равенства. В.С. Нерсисянц дает следующее определение праву: право — это соответствующая требованиям принципа формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью государственного принуждения. Иначе говоря, право — это официально установленная и обеспеченная государственной защитой система норм, соответствующая принципу формального равенства (Nersesyants, 2011). Либертарно-юридический подход Нерсисянца в соответствии с изложенными выше критериями относится к постклассическому (неоклассическому) правопониманию.

Концепция правового аутопойзиса Д.К. Синякова понимает право в качестве функционально независимой коммуникативной системы, источником воспроизводства которой является различающееся единство прав и обязанностей (Sinyakov, 2015:175). В связи с тем, что функциональная специфика аутопойетической системы права не зависит от воли и сознания человека, выступа-

ющих как внешнее по отношению к ней окружение, то аутопойетическая концепция права нами рассматривается как относящейся к постклассическому (неоклассическому) типу научной рациональности. Между тем главным критерием разграничения классического (постклассического) типа научной рациональности от неклассической (постнеклассической) эпистемологической модели является правосознание человека, его правовое «Я», выступающее источником правовой реальности. Вместе с тем в неклассическом измерении рациональности используются фундаментальные свойства аутопойетической правовой системы — непрерывности и самосозидания (самопорождения), но в сети трихотомической структуры правового «Я».

Механическое объединение классических типов правопонимания (юснатурализма, правового этатизма и социологического правопонимания), по мнению юриста И.Л. Честнова, не порождает многогранности и многоаспектности правовой реальности, тем более нового типа научной рациональности. В отличие от дихотомической структуры правовой реальности А. Полякова диалогическая антрополого-правовая концепция И. Честнова описывает трихотомическую конструкцию права, включающую в себя норму права, ее восприятие правосознанием и реализацию в правовом поведении. При этом правовая реальность воспроизводится не только действиями, но и ментальными психическими процессами в поведении людей. Между тем сущность права И.Л. Честнов усматривает в его социальном назначении — обеспечение целостности, нормального функционирования общества, которую можно обнаружить не в праве, а за ее пределами — в социуме (Chestnov, 2012:13–15). Стало быть, Честнов понимает право в качестве аутопойетической системы, самовоспроизводящей себя не на уровне человека юридического, его правосознания, а общества. Более того, диалогическая концепция И.Л. Честнова по своему критериальному ряду классификации рациональности принадлежит постклассическому (неоклассическому) правопониманию, основу которой составляет историческая и социокультурная мера возможного, должного и запрещенного поведения (контекстуальность права).

Одним из первых правоведов, который описал специфические свойства правовой психики (правового сознания), имеющей атрибутивную природу, является Л.И. Петражицкий. В этом контексте справедливо утверждение ученого Н.Н. Алексева, заключающееся в том, что Л.И. Петражицкий сумел описать «некоторые неразложимые и первоначальные эмоциональные акты, являющиеся основой всего того, что человеческое мнение называется правом» (Alekseev, 1999:63). Речь идет именно об императивно-атрибутивных эмоциях, переживаемых субъектом как «связка» собственного правомочия и обусловленной им обязанности другого (Gritsenko, 2002:99). Иначе говоря, связь императивных и атрибутивных притязаний, существующая в психологической сфере индивида, называется правом. Таким образом, правом исследователь Петражицкий называл всякую эмоцию императивно-атрибутивного свойства (Petrazhitskii, 2000). Не-

сомненно, что изложенный выше научный подход к пониманию права, в котором его источником выступает психика человека, а не внешние по отношению к сознанию индивида факторы (государство, общество, бог), в рамках нашей типологизации принадлежит к неклассической эпистемологической модели. Вместе с тем применение к учению Петражицкого позитивистской методологии переводит его в разряд постклассического правопонимания.

В основе феноменологической концепции права юриста Н.Н. Алексева лежит утверждение, что право имеет свой собственный смысл, который не зависит от политической воли, идеологического принципа или практики сложившихся общественных отношений. Право, по Алексеву, всегда есть там, где наличествует правовая структура (Alekseev, 1999). С точки зрения Н. Алексева, взамен определений права следует дать описание его феноменологической структуры в ее основных данностях. Одним из важнейших элементов правовой структуры является субъект (носитель правового смысла), деятельность которого связана с обнаружением в праве ценностей, и способный к их признанию. Вторым элементом этой структуры являются сами обнаруженные в праве ценности. Третьим элементом правовой структуры Алексеев считает любые правомочия и обязанности субъекта, сопряженные с признанием этих ценностей. Из сказанного вытекает, что единство этих трех элементов образует понятие правовой структуры (правового логоса), выступающей идеальной целостностью явлений права. В созерцании отдельных аспектов этой целостности (интенциональность) и обнаруживается структура права. Итак, право есть направленность сознания на область ценностей, постигаемых особого рода интуицией. В связи с изложенным феноменологическая концепция права представляет собой неклассическую модель рациональности.

Другой стратегией познания правовой реальности выступает синергично-антропологическая концепция права В.И. Павлова, базирующаяся на взаимодействии богословского (исихастского) и юридического антропологического дискурсов. В ней В. Павлов рассматривает правовое сознание в качестве энергичного образования, полностью фундированного на структурах личностной конституции и идентичности, которые определяются типом осуществляемой «практики себя» (Pavlov, 2011:271–300). Как раз «практики себя», по мнению Павлова, конституируют не только персонально-антропологический уровень реальности, но всю государственно-правовую область. Из этого вытекает, что путь познания правовой реальности, лежащий не в области эссенциального антропологического дискурса, а в измерениях духовных практик, выражает постнеклассический тип юридической рациональности.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ философской и юридической литературы, касающейся категории научной рациональности и ее критериев, привел к выводу, что одним из путей

выхода из состояния кризиса юридической науки в условиях глобализации, выступает расширительное толкование правовой реальности, которое представляется возможным благодаря классификации рациональности на типы и модели. Такая исследовательская стратегия позволит осуществлять познание разных ипостасей права в русле определенного методологического инструментария и понятийно-категориального аппарата, свойственные тому или иному стилю мышления. Более того, признание научным сообществом альтернативных юридическому позитивизму эпистемологических моделей постижения разнообразных планов правовой реальности и введение их в оборот правоведения лишь усилит познавательный ресурс юридической науки.

С учетом указанных выше современных тенденций в юридической науке авторы статьи считают, что понятие научной рациональности должно быть представлено в правоведении двумя группами – классическим и неклассическим эпистемологическими типами, подразделяющимися, в свою очередь, на соответствующим этим типам моделям — неоклассическую (постклассическую) и постнеклассическую. Между тем постклассическая и постнеклассическая модели, выражающие исследовательские течения дихотомической типологизации, не являются их исчерпывающим догматическим перечнем, а выступают постоянно обновляющимся исследовательским проектом.

Изучение теорий научной рациональности в философии и концепций права позволило прийти к следующим результатам:

1) в условиях глобализации современного мира использование понятия научной рациональности эпохи Просвещения, дошедшего до нас без изменений, в основе которого лежит принцип неизменной универсальности, продолжает усиливать кризисные тенденции в разнообразных областях науки, в том числе и в юриспруденции;

2) из сказанного выше вытекает, что не существует общей правовой реальности, то есть единственно верной ее картины. В связи с этим необходимо в правоведении сменить интенциональную установку посредством введения классификации юридической рациональности на два типа: классической (постклассической) и неклассической (постнеклассической);

3) при этом разграничительным параметром классической парадигмы от неклассической является объект познания – сознание *homo juridicus* как источник формирования правовой реальности. Между тем в рамках постнеклассической модели рациональности исследуется внутренняя правовая конституция *homo juridicus* — правовое «Я», взаимодействующее с другими «Я», в результате которого формируется ментальная норма права;

4) классический тип юридической рациональности представлен методологическими параметрами естественных наук эпохи Нового времени, а его неоклассическая (постклассическая) модификация выступает модернизированным вариантом классической эпистемологии;

5) неклассический тип юридической рациональности, а также его постнеклассическая модель сосредоточивают свое внимание на междисциплинарном анализе правовой реальности, представленной правовым сознанием (правовым «Я») человека юридического, что связано с размыканием юриспруденции по отношению к неюридическим областям научного знания, а также с привлечением в процесс правового познания венаучных комплексов;

6) более того, постнеклассическая юридическая эпистемология рассматривает, во-первых, воздействие «практик себя» на правовое поведение человека в рамках синергично-антропологической концепции права; во-вторых, механизм конституирования саморазвивающихся нелинейных информационных структур «Я» человека юридического в русле информационно-квантовой концепции права;

7) следовательно, неклассическая и постнеклассическая юридические эпистемологии описывают не идеальные действия идеальных субъектов права в идеальном теоретическом пространстве (классический интеллектуальный каркас), а правового человека, экзистирующего в конституируемой им же правовой реальности в контексте «бытия-с-другими» и «бытия-самого-себя».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Alekseev, N.N. (1999), *Osnovy filosofii prava* [Basic philosophy of law]. Saint Petersburg, Lan, p. 251. (in Russian).
Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Издательство «Лань», 1999. 251 с.
- Chestnov, I.L. (2012), *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law]. Saint Petersburg, Alef-Press, p. 650. (in Russian).
Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.
- Feyerabend, P.K. (1986), *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya*. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Against methodological coercion. Selected Works on the Methodology of Science]. Moscow, Progress, p. 542. (in Russian).
Фейерабенд П.К. Против методологического принуждения. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- Feyerabend, P. (1961), *Comments on Grunbaum's «Law and Convention in Physical Theory»*. *Current Issue in 213 the Philosophy of Science*, Feigl and Maxwell, pp. 155–161. (in English).
- Feyerabend, P. (1965), *Reply to Criticism*. *Boston Studies in the Philosophy of Science*, ed. by Cohen R. and Wartofsky M., II, pp. 223–261. (in English).
- Feyerabend, P. (1968–1969), *On a Recent Critique of Complementarity*. *Phil. of Science*, (35), pp. 309–331, (36), pp. 82–105. (in English).
- Gromova, T.N., Poluboyarov, D.I. (2015), *Yuridicheskaya kartina mira* [Legal picture of the world] *Nauchnoe obozrenie* [Scientific Review] (10–2), pp. 330–335. (in Russian).
Громова Т.Н., Полубояров Д.И. Юридическая картина мира // Научное обозрение. 2015. № 10–2. С. 330–335.
- Gritsenko, G.D. (2002), *Pravoponimanie: antropologicheskie i sotsiokul'turnye aspekty: monografiya* [Law understanding: anthropological and sociocultural aspects: monograph]. Stavropol: Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, p. 227. (in Russian).

- Гриценко Г.Д.* Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты: монография. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2002. 227 с.
- Kitcher, Ph. (1993), *The Advancement of Science. Science without Legend. Objectivity without Illusions*. Oxford, Oxford univ. press, p. 421. (in English).
- Kun, T. (2009), *Struktura nauchnykh revolyutsii [Structure of scientific revolutions]*. Moscow, AST, 2009, p. 310. (in Russian).
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 310 с.
- Lakatos, I. (1968), *Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes*. Proceedings of the Aristotelian Society, pp. 69, 149–186. (in English).
- Lakatos, I. (1972), *History of Science and its Rational Reconstructions // Boston Studies in the Philosophy of Science*, ed. by R. Cohen, R. Buck, pp. 8, 174–182. (in English).
- Lakatos, I. (2008), *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm / Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki [Falsification and methodology of research programs / Selected works on philosophy and methodology of science]*. Moscow, Akademicheskii proekt: Triksa, pp. 3–235. (in Russian).
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект: Трикса. 2008. С. 3–235.
- Laudan, L. (1984) *Science and Values*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, p. 339. (in English).
- Laudan, L. (1992), *A problem-solving approach to scientific progress. Scientific Revolutions* (ed. by I. Hacking). Oxford, Oxford University Press, pp. 144–155. (in English).
- Luhmann, N. (1993), *Das Recht der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp. (in English).
- Nersesyants, V.S. (2011), *Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov [Philosophy of law: Textbook for universities]* Moscow, NORMA, p. 848. (in Russian).
- Нерсесянц В.С.* Философия права: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 848 с.
- Newton-Smith, W.H. (1981), *The Rationality of Science*. London, Routledge & Kegan Paul, p. 294. (in English).
- Newton-Smith, W.H. (1985) *Change. Synthese*, pp. 62, 347–363. (in English).
- Pavlov, V.I. (2011), *Ot klassicheskogo k neklassicheskomu yuridicheskomu diskursu. Ocherki obshchei teorii i filosofii prava [From classical to non-classical legal discourse. Essays on the General theory and philosophy of law.]*. Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', p. 319. (in Belarus).
- Павлов В.И.* От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск), 2011. 319 с.
- Petrazhitskii, L.I. (2000), *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравstvennosti [Theory of law and state in connection with the theory of morality]*. Saint Petersburg, Lan, p. 608. (in Russian).
- Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Издательство «Лань», 2000. 608 с.
- Polyakov, A.V. (2016), *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda: uchebnik [General theory of law: problems of interpretation in the context of communicative approach]*. Moscow, Prospekt, p. 832. (in Russian).
- Поляков А.В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с.

- Popper, K. (1983), *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty* [Logic and growth of scientific knowledge. Selected works]. Moscow, Progress, p. 605. (in Russian).
Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
- Putnam, H. (1981), *Reason, Truth, and History*. Cambridge, Cambridge University Press, p. 222. (in English).
- Quine, W. (1969), *Ontological relativity and other essays*, New York, Columbia University Press, p. 165. (in English).
- Rorti, R. (1997), *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature] Novosibirsk, Novosibirsk State University publ, p. 320. (in Russian).
Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
- Sinyakov, D.K. (2015), *Kontsepsiya pravovogo avtopoiezisa. Teoreticheskoe obosnovanie: monografiya* [The concept of legal autopoiesis. Theoretical background: monograph] Moscow, YuNITI-DANA, p. 175. (in Russian).
Синяков Д.К. Концепция правового аутопойезиса. Теоретическое обоснование: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 175 с.
- Toulmin, S. (1967), *The Evolutionary Development of Natural Science*. American Scientists, pp. 55, 456–471. (in English).
- Toulmin, S. (1998), *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding] Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, p. 304. (in Russian).
Тулмин С. Человеческое понимание. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 304 с.
- Vedeneev, Yu.A. (2014), *Yuridicheskaya kartina mira: mezhdru dolzhnym i sushchim* [Legal picture of the world: between the proper and the existent]. *Lex Russica*. Т. ХСVI (6), 641–654. (in Russian).
Веденеев Ю.А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // *Lex Russica*. 2014. Т. ХСVI. № 6. С. 641–654.

Сведения об авторах:

Иванский Валерий Прокопьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-1785-8965

Контактная информация:

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

Ковалев Сергей Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID ID: 0000-0003-2075-9658

Контактная информация:

e-mail: sikovalev@yandex.ru

Для цитирования:

Иванский В.П., Ковалев С.И. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (часть II) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 2. С. 184–199. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199.

Дата поступления в редакцию: 19 февраля 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

THE ROLE OF RATIONALITY PHILOSOPHY IN LEGAL STUDIES (PART II)²

Valeriy P. Ivanskiy, Sergey I. Kovalev

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The relevance of the article, which consists of two parts, is that the various theories of rationality presented only in philosophical works are considered. Meanwhile, it should be noted that in recent decades in scientific works on jurisprudence there is a clear trend of borrowing such terms from philosophy as “classical”, “non-classical” or “post-non-classical” science in the description of a concept of law. Nevertheless, in legal studies there is still no concept of rationality, the criteria for its classification, allowing to describe the diversity of manifestations of legal reality.

The purpose of the study is: 1) to find new non-classical foundations for the development of legal knowledge; 2) to substantiate the point of view that the category of “scientific rationality” and its typology used in philosophy, it is necessary to introduce into scientific use of legal science, which will push the boundaries of knowledge of legal reality; 3) to describe the features of understanding of the term “scientific rationality” in law in the context of its classification into the following two groups: classical and neoclassical (post-classical), as well as non-classical and post-classical.

In the process of studying the philosophy of rationality in legal studies used a diverse set of *methodological tools*: 1) General philosophical methods (dialectical and idealistic); 2) General scientific methods — analysis and synthesis, deduction and induction, analogy, comparison; 3) and private (special) — logical, comparative-legal, formal-legal, normative-dogmatic; 4) method of interpretation, including the method of problem-theoretical reconstruction.

The main results of achieving the goal of the study were proposals on: 1) introduction of the concept of “types and models of legal rationality” into the scientific circulation of jurisprudence; 2) classification of legal rationality into classical and non — classical types and corresponding models-neoclassical (post-classical) and post-non-classical. It should be noted that the post-classical and post-non-classical styles of legal thinking are evolved versions, respectively, of the classical and non-classical types of legal rationality. The basis for the classification of types of scientific rationality in legal science was the anthropological factor-consciousness homo juridicus and methodological tools with which legal consciousness is known.

The novelty of the study is that the above classification of epistemological paradigms allows us to look at the law as a multilevel reality, which is simultaneously inherent in the two mechanisms of its

² RUDN Journal of Law, 23 (1).

Constitution — external and internal. Moreover, the presented criteria-based classification of legal rationality is the basis for the development of legal knowledge.

Key words: legal consciousness, legal understanding, philosophy of rationality, legal reality, subject of law, law-making, methodology, classical, nonclassical and post-non-classical paradigms, crisis

Information about the authors:

Valeriy P. Ivanskiy — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor the Department of Administrative and Financial Law, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0002-1785-8965

Contact information:

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

Sergey Iv. Kovalev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor the Department of Civil Law and Procedure, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0003-2075-9658

Contact information:

e-mail: sikovalev@yandex.ru

For citation:

Ivanskiy, V.P., Kovalev, S.I. (2019), The role of rationality philosophy in legal studies (Part II). *RUDN Journal of Law*. 23 (2), pp. 184–199. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199.

Article received February 19, 2019

Article accepted May 30, 2019